

Оглавление

- Беликов А.Е. Ad Val. Fl. 223-4: Mars circum или circa vellera?
- Бут Е. А. Ямб I из сборника Каллимаха "Ямбы": особенности композиции
- Каячев Б. А. 'Pyramidum altius' (Prop. 3, 2, 17–26 et Antip., AP 9, 58)
- Корчагин А. О. О жертве всеожжения в греческой Библии
- Крючков М. Н. Спускался ли Бибул на форум в связи с законом об откупщиках? (Cic. Att., II 16, 2)
- Литвин Е. А. Обозначения пациентов в текстах Гиппократова корпуса
- Новикова Е. П. Фонетико-морфологические закономерности распространения презентного назального инфикса на другие основы глагола в латинском языке
- Павлова О. С. Календарь Feriale Duranum: проблемы интерпретации
- Тимофеев И. С. Лексика звуковой реальности в поэме Лукреция "De rerum natura"
- Шумилин М. В. Валерий Флакк и муза Лукана

Ad Val. Fl. 1, 223–4: Mars circum или circa vellera?

Беликов Алексей Евгеньевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

«Аргонавтика» Валерия Флакка предлагает ученым-текстологам множество вопросов, связанных с историей текста. Мне хотелось бы обратиться к небольшому фрагменту, достаточно прозрачному с точки зрения рукописной традиции, но вызвавшему оживленную дискуссию среди издателей начиная с XVI в. и до наших дней.

В одном из последних авторитетных изданий «Аргонавтики» Либерман [Valerius Flaccus: 17] напечатал указанный фрагмент, который является частью пророчества Мопса о плавании аргонатов (1, 211-27), следующим образом: ... Quem circa uellera Martem / aspicio! - указав в критическом аппарате: 223 circa Meyncke (alio contextu): circum γ с*. В комментарии издатель поясняет, что воспринимает Марса исключительно как обозначение битвы колхов и аргонатов, а рукописное *circum* меняет на *circa*, чтобы получилась «битва за руно». Такая трактовка этого пассажа и использование конъектуры Мейнке (который, однако, предлагал переделать весь стих на quod circa vellera monstrum) возникли как результат длительного спора о значении слов *Martem circum vellera*, основные моменты которого я приведу ниже:

Maserius (1517): речь идет о Марсе – божестве, защищающем руно.

Pius (1519): Марсом назван или марсов змей, или марсов алтарь, на котором находилось руно.

Burman (1724): речь идет о битве земнородных, так как Марс многократно употребляется в значении битвы и войны.

Wagner (1805): Марс обозначает грядущую битву с драконом.

Bährens (1875): поскольку Язон не прикладывал никаких усилий для добычи руна у дракона, упоминать об этом Мопс не должен. Вне сомнений речь идет о битве между колхами и греками за руно и похищенную деву.

Summers (1894): Марс держит своего стража у руна – ср. 5, 251; 639. (Возвращение к точке зрения Мазерия).

Langen (1896): поскольку в марсовой роще битвы не было, справедливо мнение Бэренса; однако, из-за того, что текст поэмы не доходит до битвы в устье Дуная, менять текст не следует.

Strand (1972): надо вернуться к пониманию Пия – Марс обозначает дракона, который обязательно входит в три главных препятствия на пути Язона к руно (ср. 7, 547-50; 8, 437-8; параллель у Enn. *Scaen.* 274-5; Ov. *Met.* 7, 29-30). Кроме того, в тексте многократно указывается, что дракон обвил собою руно – ср. 7, 166-9; 516-20; 525-7; 8, 79-81. Это возможно благодаря двойной метонимии: Марс обозначает битву, а битва – противника.

Håkanson (1973): идея Странда о двойной метонимии неприемлема, но его понимание Марса как змея верно. Мопс, находясь в экстатическом состоянии, не может различить и принимает змея за самого бога, охраняющего руно (ср. 5, 253).

Courtney (1975): речь идет о драконе, поскольку по первоначальному замыслу Валерия Флакка Язон должен был сразиться со змеем.

Kleuweg (1987): двойную метонимию принять нельзя, и Марс никак не может обозначать дракона, который, к тому же, был усыплен Медеей. Сам Марс также не представлял опасности. Следовательно, речь идет о битве на острове Певке. Трудность с *circum* можно решить, представив аргонатов, держащих оборону вокруг руна. Сама строка является переломным моментом в пророчестве Мопса: если до этого перечисляются приключения аргонатов в хронологическом порядке, то после этого рассказывается о будущей трагедии в Коринфе, причем порядок обратный. Битва на Певке, таким образом, является поворотным моментом в судьбе Язона и Медеи, и пророчество о ней занимает центральное место.

Spaltenstein (2002): согласен с Клейвегтом, но чтение *circum* считает более правдоподобным.

Как видно, точка зрения Клейвегта возобладала, и, опираясь на нее, Либерман адаптировал конъектуру Мейнке. Клейвегт же в своем комментарии [Kleywegt 2005: 139-140] поддерживает изменение текста, сделанное Либерманом.

Мне, напротив, представляется, что аргументы против этой конъектуры, равно как и против такой интерпретации текста, отнюдь не исчерпаны. Во-первых, во всем тексте Валерия Флакка *circum* встречается помимо спорного места 16 раз против 4 раз *circa*. Кроме того, во всех случаях *circa* выступает в пространственном значении. Уже поэтому текст менять не следует, но приведем аргументы, связанные с пониманием всего контекста.

Тому, что Марс обозначает битву на Певке, мешают следующие факты: 1) Хотя Марс в этом значении часто встречается у Вергилия, Лукана, Стация, Силия, у Валерия Флакка такого употребления нет ни разу; 2) Многочисленные контексты, приведенные Страндом, показывают, что дракон входит в число обязательных испытаний, и пропускать этот эпизод нельзя; 3) Дракон действительно находится *circum vellera*, как следует не только из мест, указанных Страндом, но и из 8, 89; 101.

Из первого аргумента видно, что довод Бурманна можно отвергнуть. Возражение Бэренса о том, что дракон – не подвиг Язона, также можно снять: пророчества о Гиласе и Поллуксе тоже не относятся к испытаниям предводителя Арго. Наиболее сильным контраргументом остается тот факт, что употребления *Mars* в каком-либо значении кроме божества или метонимии войны не зафиксировано, хотя здесь, как кажется, вполне уместна идея Хокансона.

Наконец, самым сильным аргументом Клейвегта мне представляется выделение структуры в пророчестве. На него можно ответить столь же структурно: все пророчество Мопса состоит из очень конкретных образов (загадочность и достигается за счет называния детали вместо целого события) – на этом фоне очень странно смотрится столь абстрактная формулировка, как «битва за/вокруг руна» (вопрос о взаимоотношении с Лус. 1, 678-94 требует отдельного рассмотрения). Весь контекст побуждает нас к тому, чтобы понять *Martem* конкретно: либо как змея, либо как божество *вокруг* руна.

Литература

- Kleywegt A.J. Valerius Flaccus, Argonautica. Book I: A Commentary. Leiden; Boston, 2005.
 Kleywegt A.J. Praecursoria Valeriana II // Mnemosyne. 1987. Vol. 40. Fasc. 1 / 2. P. 107-123.
 Strand J. Notes on Valerius Flaccus' Argonautica. Stockholm, 1972.
 Valerius Flaccus. Argonautica / Ed. G. Liberman. Paris, 2002.

Ямб I из сборника Каллимаха «Ямбы»: особенности композиции

Бут Екатерина Александровна

Студенка Российского государственного гуманитарного университета, Россия, Москва

Сборник Каллимаха «Ямбы» включает 13 стихотворений, написанных ямбическими размерами, разными диалектами, с различной тематикой, героями и сюжетами. Первый ямб очень важен для понимания всего сборника: в нем намечена поэтическая программа сборника, темы и мотивы, которые будут развиваться в последующих стихотворениях. Самая большая проблема, связанная со сборником, текстологическая - ни одно стихотворение не дошло полностью, большая часть сохранилась частично, а некоторые – почти вообще не сохранились. Первый ямб содержит в себе не очень много лакун, поэтому он не потерял свою содержательную и композиционную целостность. Содержание ямбов нам помогают понять также более поздние прозаические комментарии, так называемые Диегезы.

Общее содержание первого ямба с учетом сделанных реконструкций таково. Из царства мертвых в Александрию поднимается поэт Гиппонакт с призывом к современному Каллимаху ученым не спорить между собой и приводит в пример историю о легендарных

«семи мудрецах». Он рассказывает о том, как некий аркадец Бафикл завещал своим сыновьям вручить принадлежавший ему кубок тому, кого они посчитают самым мудрым. Средний сын Бафикла, Амфалк, отдает кубок Фалесу из Милета. Фалес передает кубок Бианту Пиренскому, Биант – Питтаку Митиленскому, Питтак – Клеобулу Линдскому, Клеобул – Периандру Коринфскому, Периандр – Солону Афинскому, Солон – Хилону Спартанскому. Хилон вновь передает кубок Фалесу, который посвящает кубок в храм Аполлона в Дидиме. Текст заключительной части ямба почти не сохранился, но комментаторы восстанавливают его содержание так: завершив рассказ о мудрецах, Гиппонакт нападает на ученых со злобными речами, а затем спускается обратно в царство мертвых [Callimachus: 105].

В ямбе можно выделить три части.

В первой части Гиппонакт поднимается из царства мертвых и обращается к александрийским ученым. Краткая структура первой части содержит внезапное появление, включающее в себя призыв к слушателям и краткое представление поэта: кто, откуда и зачем явился; затем – призыв к ученикам и указания к действию, призыв к божеству, и далее – подготовка к рассказу в виде призыва к вниманию. Вся первая часть имеет синтаксическую и риторическую рамку: призыв в начале и в конце, причем глаголы даются в повелительном наклонении.

Во второй части ямба мы видим рассказ о кубке и семи мудрецах, который делится на три эпизода. Два первых довольно хорошо сохранились. Они содержат в себе одинаковые элементы: описание главного героя и диалог с его участием. Героем первой сценки становится аркадец Бафикл, который лежит на смертном одре и наказывает своим сыновьям отдать его драгоценный кубок мудрейшему. Герой второй сценки – Фалес, самый мудрый, по мнению сыновей Бафикла. Содержание третьей сценки мы восстанавливаем по сохранившимся фрагментам и Диегезам, так как текст в этой части ямба сохранился плохо. Здесь определенно говорится о путешествии кубка по семи мудрецам и о его возвращении обратно к Фалесу, который в свою очередь посвящает его Аполлону. Именно эта тема, круговое путешествие кубка, очень важна для понимания всего стихотворения, поскольку образ и мотив круга является одним из основных и заложен в самой композиции.

От последней части стихотворения сохранилось довольно малое количество целых строк, поэтому ее сложно интерпретировать из-за плохой сохранности текста. Скорее всего, Гиппонакт уже закончил свой рассказ и обращается к слушателям с обличительными речами. Общий характер речей можно примерно реконструировать по нескольким фрагментам: Гиппонакт переходит на личности, после чего, видимо, возвращается обратно в Аид.

Общую композицию ямба можно охарактеризовать как трехчастную и к тому же кольцевую. В начале стихотворения Гиппонакт поднимается из царства мертвых, а в конце – возвращается обратно. Признаки кольцевой композиции можно увидеть и во второй части стихотворения – в истории с кубком. Кубок, начав свое путешествие с Фалеса, возвращается к нему. Композиция осложняется тем, что вторая часть является вставной историей, а части по краям – ее рамкой. Можно даже сказать, что вторая часть стихотворения – новый ямб, который Гиппонакт сочиняет на глазах у александрийских ученых.

В ямбе I поэт выдвигает поэтическую программу для всего сборника в двух основных аспектах: идейном и композиционном. Каллимах возрождает жанр ямба, главным героем которого является поэт – создатель особого ямбического размера. Но Каллимах подчеркивает, что преэминентность не полная. Он берет древний редкий ямбический размер, но использует его в новых поэтических условиях, в новой стилистике и тематике. Что же касается композиционной схемы – трехчастной, с вставной историей внутри, то с разными модификациями она не только используется в остальных стихотворениях сборника, но и реализуется в композиции всего сборника в целом.

Литература

Callimachus. Aetia – Iambi – Lyric Poems // Ed. C.A. Trypanis. London, 1975.

***Pyramidum altius* (Prop. 3, 2, 17–26 et Antip., AP 9, 58)**

Каячев Борис Александрович

Аспирант Лидского университета, Лидс, Великобритания

Редчайшее в латинской поэзии слово *pyramis* в ст. 19 второй элегии третьей книги Проперция маркирует (об использовании риторических фигур в качестве сигналов аллюзии – в данном случае мы имеем дело с «глоссой» – см.: [Wills]) программную отсылку к финальной оде третьей книги Горация (гораццианская аллюзия подробно анализируется в работах: [Solmsen: 106–107], [Miller: 295–297] и [Mader: 330–334]). Одновременно оно отсылает к также редкому в греческой поэзии слову *πυραμίς* в эпиграмме Антипатра, предположительно Фессалонитского (AP 9, 58, 4: *μεγὰν ἀλτεῖραν πυραμίδων κάματον* «высокие пирамиды, [стойвшие] великого труда», ср. *pyramidum sumptus ad sidera ducti* «поднебесные пирамиды, [стойвшие] заоблачных трат»; в обоих случаях мы имеем дело с фигурой *genitivus inversus*): эта параллель, существенная для понимания элегии Проперция, насколько известно, прежде не отмечалась (Ротштейн, Кэмпс, Федели, а также [Schulz-Vanheyden] ее не оговаривают).

Проперций называет из семи чудес света три: пирамиды, статую Зевса Олимпийского (*Iouis Elei*, ср. *τον ἐπ’ Ἀλφειῷ Ζεῦα*) и Мавзолей (*Mausolei diues fortuna sepulcri*, ср. *μναμα τε Μανσῶλοιο πέλωριον*) – и, подобно Горацию, противопоставляет им по долговечности свою поэзию. Антипатр перечисляет все семь, выделяя на фоне шести остальных храм Артемиды Эфесской. Из четырех чудес света, не упомянутых Проперцием прямо, – это, помимо храма Артемиды, Вавилонские стены, сады Семирамиды и Колосс Родосский – два неявным образом включены в описания других: на статую Гелиоса (*Ἥλιου κολοσσον*) может намекать эпитет Зевса Элейский (*Iouis Elei*), на храм Артемиды (*νεφεῶν ἀπὸ θεῶντα δομον*) – сразу и пирамиды (*ad sidera ducti*), и храм Зевса (*caelum imitata domus*: слово *domus* помещено в той же метрической позиции в исходе пентаметра, что и *δομον*; ср. также *οὐρανίους... δομοῖς* в другой эпиграмме Антипатра (AP 9, 790, 2), также прославляющей храм Артемиды). Вероятно, Проперций, отводя храму Артемиды в элегии заметное место, хотя и не называя его открыто, отражает тем самым предпочтение, отдававшееся этому чуду Антипатром.

Почему из семи чудес света Проперций оставляет три, точнее – почему именно эти три? Как хорошо известно, храм Артемиды был сожжен Геростратом в IV в. до н. э. (вскоре, впрочем, он был восстановлен). Колосс Родосский упал при землетрясении в III в. до н. э. (хотя еще долго продолжал лежать). Висячие сады ко времени Проперция, вероятно, также уже погибли, предположительно от дождей и наводнений. Наконец, стены Вавилона уступили место в списке Александрийскому маяку.

Проперций называет три силы, угрожающие трем упоминаемым им чудесам света, но не властные над поэзией – пожар, дождь и время: первую можно соотнести с пирамидами (в силу этимологии от *πυρ*), вторую – с «подобным небу» (*caelum imitata*) храмом тучегонителя Зевса, третью – с надгробным памятником (*μναμα*) Мавсола. Однако в то же время в угрозе Проперция можно увидеть скрытый *vaticinium ex eventu*: храм Артемиды действительно сгорел (*flamma*), сады Семирамиды, возможно, погибли от дождей (*imber*), Колосс обрушился (*pondere uicta ruent*), а Вавилонские стены оказались со временем в забвении (*annorum tacito pondere*).

Таким образом, у Проперция учтены все семь (или даже восемь) чудес света, однако над четырьмя (пятью) из них угроза, можно сказать, уже осуществилась: они забыты. Очевидно, подобное умолчание намного удачнее и эффективнее, нежели было бы эксплицитное упоминание судьбы каждого из чудес света, которое оказалось бы аналогичным постановлению забыть имя Герострата.

Как продемонстрировал Стивен Харрисон в докладе «Horace and Augustan monuments», прочитанном 15 мая 2009 г. на конференции в Лидсе, Гораций в «Одах» систематически отсылает к программе предпринятого Августом монументального строительства, делая их своего рода поэтическим аналогом грандиозного архитектурного проекта. Кульминация этой аналогии приходится на финальную оду третьей книги, в которой поэтические заслуги Горация противопоставляются египетским пирамидам – тем самым оказываясь в одном ряду с их другим римским соперником, Мавзолеем Августа. Так вот, если Гораций связывает свое бессмертие с Римом (*dum Capitolium | scandet cum tacita uirgine pontifex*), Проперций полемически игнорирует римскую составляющую как архитектурной, так и поэтической (ср. *princeps Aeolium carmen ad Italos | deduxisse modos*) программы, представленной у Горация, делая свои претензии на бессмертную славу более универсальными.

Так Проперций, отсылая при помощи исключительно редкого в поэзии – и в латинской, и в греческой – слова *pyramis* к его более ранним контекстам у Горация и Антипатра, проявляет свое мастерство «поэта-ученого»: помня об источнике каждого слова, он мог рассчитанно возбуждать в начитанном читателе ассоциации, связанные с употреблением этого слова в источнике.

Литература

- Mader G. Architecture, Aemulatio and Elegiac Self-Definition in Propertius 3.2 // CJ. 1993. Vol. 88. P. 321–340.
 Miller J.F. Propertius 3.2 and Horace // TAPhA. 1983. Vol. 113. P. 289–299.
 Schulz-Vanhayden E. Properz und das griechische Epigramm. Münster, 1969.
 Solmsen F. Propertius and Horace // CPh. 1948. Vol. 43. P. 105–109.
 Wills J. Repetition in Latin Poetry: Figures of Allusion. Oxford, 1996.

О жертве всеожжения в греческой Библии

Корчагин Алексей Олегович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

В Септуагинте (далее – LXX) для обозначения жертвы всеожжения используется корень *όλοκαυτ-* (греч. *όλος* – «целый» и *καίω* – «жечь, сжигать»). Этот корень является одним из наиболее употребительных для обозначения жертвы в переводе LXX. Он встречается там 291 раз (включая девтероканонические книги). В LXX используются два слова этого корня - *όλοκαύτωσις* (процесс принесения жертвы, 87 раз) и *όλοκαύτωμα* (сама жертва всеожжения, 204 раза).

Корень *όλοκαυτ-* впервые появляется в греческой литературе у Ксенофонта в «Анабасисе». В том месте, где речь идет о жертвоприношении в честь Зевса Мелихия (7.8.4-5), использован глагол *όλοκαυτέω*. У того же Ксенофонта в «Киропедии» (8.3.24) употреблен глагол *όλοκαυτώ*; этот же глагол встречается у Плутарха (2.694b). Из иудео-эллинистических авторов корень зафиксирован только у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (*όλοκαυτώ* и *όλοκαύτωσις* – 3.9.1, *όλοκαύτωμα* – 10.4.5). В греческих надписях встречается слово *όλοκαύτησις* (IG 4² (1) 97.2). В Новом Завете трижды употреблено слово *όλοκαύτωμα* (дважды – в Послании Евреям, 10:6 и 10:8, и один раз в Евангелии от Марка, 12:33).

Посмотрим, что подразумевается под жертвой всеожжения в LXX. Религиозные установления относительно жертв всеожжения даны в книге Левит, в которой корень *όλοκαυτ* – встречается наибольшее количество раз (61). Уже в первой главе данной книги подробно говорится о совершении всеожжений. В жертву всеожжения приносились как крупный, так и мелкий скота (Лев. 1:2), а также птицы (Лев. 1:14). Жертвенное животное закалывалось на алтаре, его кровью окроплялся жертвенник, после чего жертва полностью сжигалась.

Рассмотрим, какие еврейские слова передаются по-гречески словами с корнем *όλοκαυτ-*. В большинстве случаев как *όλοκαύτωμα* или *όλοκαύτωσις* передается древнееврейское слово *לָלָה* (*‘ōlā*). Этимологически данное существительное связано с глаголом *‘ālā* – «подниматься, восходить», то есть *‘ōlā* – это та жертва, которая возносится на алтарь, а следовательно, метафорически на небеса [Brown, Driver, Briggs: 750-751]. Однако греческое *όλοκαύτωμα / όλοκαύτωσις* не является буквальным переводом еврейского *‘ōlā*. Возможно, *όλοκαύτωμα / όλοκαύτωσις* – специальный термин, составленный переводчиками для передачи *‘ōlā* на основании сведений о том, что жертва сжигалась целиком. В ряде случаев *όλοκαύτωμα / όλοκαύτωσις* передает еврейское слово *לְשֵׁשׁ* (*’iššè*) – «целиком или частично сжигаемая жертва» [Harrison: 172], в особенности – жертвоприношение первых плодов. Этимология *’iššè* связана, вероятно, со словом *שֵׁשׁ* (*’ēš*) – «огонь». В тех местах, где *’iššè* переводится как *όλοκαύτωμα*, переводчики, скорее всего, хотят подчеркнуть, что жертва сжигается полностью (Лев. 4:35, 5:12, 23:8, Исх. 30:20).

Самым интересным, на наш взгляд, является употребление слова *όλοκαύτωμα* в 21 стихе знаменитого 50-го псалма; в этом стихе так переводится еврейское *לְכָלִיל* (*kālîl*) – «полностью сжигаемая жертва», от слова *כֹּל* (*kōl*) – «весь, целый», таким образом, текст LXX здесь более точно соответствует еврейскому оригиналу. Примечательно также, что в этом стихе *‘ōlā*, обычно переводимое как *όλοκαύτωμα*, передано словом *ἀναφορά* «возношение» (от глагола *ἀναφέρω* – «поднимать, возносить»), что также более точно соотносится с текстом оригинала. Следует, кроме того, обратить внимание на Лев. 6:16, где *kālîl* переводится прилагательным *όλοκαυτός*.

Таким образом, мы видим, что термин *όλοκαύτωμα / όλοκαύτωσις* в большинстве случаев не является буквальным переводом древнееврейского слова, но представляет собой искусственно созданное переводчиками слово для обозначения жертвы всесожжения, и отсюда можно сделать вывод о том, что представление о LXX как о буквалистском переводе не совсем верно.

Литература

Brown F., Driver S.R., Briggs Ch. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1907.

Harris R. et al. The Theological Wordbook of the Old Testament. Chicago, 1980.

Спускался ли Бибул на форум в связи с законом об откупщиках? (Cic. Att., II 16, 2)

Крючков Максим Николаевич

Аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Москва, Россия

Известно, что в 59 году до Р.Х. консулами в Риме стали Бибул и Цезарь, но фактически власть осуществлял лишь последний, будучи членом первого триумvirата и пользуясь поддержкой Красса и Помпея. Сразу же после избрания Цезарь стал проводить законы, направленные на удовлетворение интересов ветеранов Помпея и сторонников Красса. Однако Бибул, рискуя собственной безопасностью, периодически пытался блокировать законы своего коллеги, так как обладал правом откладывать комиции, ссылаясь на дурные предзнаменования. Однажды он даже чуть не потерял жизнь, выступая на форуме против одного из земельных законопроектов Цезаря. После этого инцидента Бибул заперся в своем доме, откуда не выходил до конца года.

Мы знаем, что в первой половине 59 г. Цезарь проводил 2 аграрных закона, второй из которых (о распределении кампанских земель) был обнародован в конце апреля. Относительно даты проведения первого закона исследователи не пришли к единому мнению: одни считают, что это происходило в конце января, другие - во второй половине февраля. Также остается не до конца решенным вопрос о том, с каким из этих двух законов следует связывать добровольное домашнее заточение Бибула и приведшие к этому события.

Шеклтон Бейли, подготовивший последнее по времени критическое издание писем Цицерона, убедительно показывает, что добровольное домашнее заточение Бибула было следствием неудавшейся попытки помешать Цезарю провести второй аграрный закон. В качестве одного из аргументов ученый ссылается на следующую передачу Цицероном слов Помпея: «... se leges Caesaris probare, actiones ipsum praestare debere; agrariam legem sibi placuisse, potuerit intercedi necne nihil ad se pertinere; de rege Alexandrino placuisse sibi aliquando confici, Bibulus de caelo tum servasset necne sibi quaerendum non fuisse; de publicanis, voluisse illi ordini commodare, quicquid futurum fuerit si Bibulus tum in forum descendisset se divinare non potuisse» (Cic. Att., II 16, 2). Здесь Цицерон передает свою беседу с Помпеем, имевшую место в начале апреля 59 года до отъезда Цицерона из Рима. Шеклтон Бейли справедливо отмечает, что Помпей, желая в разговоре с Цицероном отстраниться от различных нарушений законности, допущенных Цезарем при проведении своих законов, перечисляет только те события, которые имели место в действительности, то есть говорит *post facto*. У Помпея не было никаких причин отмежевываться от того, что на самом деле не происходило [Shackleton Bailey: 407]. Таким образом, контекст и конситуация указывают на то, что Бибул спускался на форум в связи с законопроектом, касавшимся откупщиков, и случилось это уже после проведения первого аграрного закона, о чем свидетельствует порядок упоминания событий Цицероном.

Однако Шеклтон Бейли никак не прокомментировал данное место с грамматической точки зрения. Дело в том, что последнее предложение приведенного пассажа представляет собой зависимый условный период ирреального типа, на что однозначно указывает его аподосис «*futurum fuerit*». Следовательно, в языковом отношении данное предложение описывает некоторое положение дел, которое не имело места в реальности. Таким образом, если принимать аргументацию Шеклтона Бейли, то налицо противоречие между лингвистической и экстралингвистической характеристиками текста.

По моему мнению, это противоречие может быть снято, если в данном месте письма предположить порчу текста и вместо «*futurum fuerit*» читать «*futurum esset*». При такой конъектуре рассмотренный условный период будет описывать уже выполнимое действие. Кроме того, все издатели писем к Аттику до Шеклтона Бейли усматривали порчу текста в слове, стоящем непосредственно перед «*futurum fuerit*»: они справедливо предлагали чтение «*quid*» вместо «*quicquid*». Этот факт только повышает правомерность предложенной мною конъектуры.

Литература

Shackleton Bailey R.D. Cicero's Letters to Atticus: Vol. I–VII. Cambridge, 1965–1970.

Обозначения пациентов в текстах Гиппократова корпуса

Литвин Евгения Александровна

Студентка Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Гиппократов корпус включает в себя трактаты, приписываемые Гиппократу Косскому и созданные древнегреческими практикующими врачами или людьми, имевшими некоторые познания в медицине. Большая часть этих текстов имеет целью научить коллег-врачей правильному способу лечения той или иной болезни и состоит из описаний симптоматики, прогнозов о ходе болезни, перечней лекарственных средств, описаний правильного положения пациента и последовательности действий врача во время операций.

Другая часть трактатов более теоретична и содержит полемику с конкурентами, обосновывает точку зрения авторов трактата на те или иные свойства человеческой природы, касается внешнего вида врача и его поведения. Трактаты, посвященные лечению какой-либо конкретной болезни, также могут содержать теоретическое вступление, касающееся медицины как науки (*technē*) в целом, где автор обосновывает свой метод лечения, порицает тех, кто действует другим способом, и т. д.

Мое исследование касается терминов, которые использовались авторами трактатов для обозначения больных, а также той публики, которая потенциально являлась их пациентами. Можно выделить несколько типичных ситуаций, в которых содержатся упоминания этих людей.

Прежде всего, это описания хода лечения и положения больного во время перевязок или, например, наложения шин на переломы. Как правило, в этих случаях используются активные причастия от глаголов со значениями «претерпевать боль», «испытывать страдания» и т. д.: «kamnontes», «noseontes», «astheneontes».

Иногда в значении «пациенты» используется просто слово «люди» («anthrōpoi»), например, в трактате «О древней медицине» [9.21–26], где говорится о том, что невежество плохого врача не слишком заметно, когда он лечит людей, страдающих от легких болезней, однако становится видно окружающим, когда он берется вылечить пациента, больного чем-то серьезным.

В трактате «О врачебном кабинете», где очень подробно описаны различные виды хирургических операций, последовательность действий хирурга во время каждой из них, а также взаимное положение друг относительно друга врача и пациента, они называются, соответственно, активными и пассивными причастиями от одного и того же глагола - «cheirizōn» и «cheirizomenos» - т. е., буквально, «управляющий» и «управляемый» или «лечащий» и «лечимый».

Все ранее перечисленные термины, как правило, появляются в той части трактатов, где речь идет непосредственно о лечении болезней. Однако в теоретических вступлениях или в текстах, которые целиком посвящены каким-либо проблемам, связанным с коммуникацией врача и больных или полемике с конкурентами, чаще используются другие наименования. Наиболее употребительны из них два: «dēmotēs» и «idiōtēs». Основные значения обоих слов никак не связаны с темой болезни, именно поэтому интересно рассмотреть, как они употребляются в тексте. Как правило, так называются люди, которые являются или могли бы стать пациентами автора трактата. Однако упоминания о них могут быть связаны не с проблемами лечения как такового, а с тем, какое мнение «не специалисты» могут иметь о том или ином враче или способе лечения. Например, в трактате «О диете при острых болезнях» автор говорит, что «dēmotes» не могут отличить плохого врача от хорошего, поскольку не видят разницы в их действиях во время лечения сложных болезней и не понимают, что именно может быть эффективно [2.18–23]. В трактате «О древней медицине» оба этих термина в значении «простые люди», «толпа» употреблены автором, порицающим тех, кто говорит публично о медицине, используя слова, непонятные слушателям [2.10–11].

Оба этих термина могут употребляться в параллельных конструкциях («и..., и...», «как..., так и...», и т. п.) со словами «врач», «специалист». Например, когда говорится, что кто-нибудь, как врач, так и «не врач», может предложить ослабевшему больному поесть, что поддержит его силы и фактически вылечит [«О диете при острых болезнях», 11.83–85]. В этом контексте словом «idiōtēs» назван уже не пациент, но, напротив, человек, который принимает участие в лечении, несмотря на то, что врачом не является. В таком значении оба этих слова тоже встречаются в текстах корпуса, иногда с пейоративным оттенком. Так, автор трактата «О благоприличном поведении» советует своим коллегам поручать присматривать за больным, если они не могут сделать этого лично, ученикам, но ни в коем случае не «idiōtēs», которые могут что-нибудь испортить, а ответственность за это ляжет на врача [17.1–10]. А иногда «idiōtēs» неожиданно могут оказаться полезны, обладая знаниями о медицине, которых нет и у самого врача («Наставления», 2.7–8).

Однако чаще всего этими словами обозначаются именно профаны, не понимающие ничего в медицине, не умеющие распознать собственных болезней [«О древней медицине», 2.8–13] и поэтому нуждающиеся в помощи профессиональных врачей. Более того, именно наличие оппозиции «специалист («technitēs») - профан («idiōtēs»)» может

служить критерием того, что та или иная область человеческого знания является или не является наукой («techē»). Например, умение варить пищу наукой считаться не может, поскольку никто из людей не является в ней «idiōtēs» («О древней медицине», 4.1–8).

**Фонетико-морфологические закономерности распространения
презентного назального инфикса на другие основы глагола в латинском языке**

Новикова Екатерина Павловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

Характер распространения презентного назального инфикса на другие основы глагола (перфекта и супина) до сих пор является одним из не вполне проясненных моментов в исторической грамматике латинского языка. При рассмотрении подобных явлений обычно используется понятие «аналогии». В данном случае общее направление исследования заключается в том, чтобы для каждого явления, объясняемого другими исследователями через «аналогию», подбирать максимально точное с точки зрения истории языка и его системы объяснение предпосылок к действию «аналогии».

Для исследуемого нами материала объяснения с помощью «аналогического выравнивания» допускал И.М. Тронский [Тронский: 234]. А. Эрну, разделяя глаголы с инфигированным *n* на группы по принципу наличия / отсутствия восстановленного *n* в других основах, также прибегает к объяснениям только через «аналогию» [Эрну: 164]. Г. Майзер рассматривает глаголы с презентным назальным инфиксом отдельной группой [Meiser: 112], описывая особенности образования перфекта.

Ю.В. Откупщиков, исследуя фонетико-морфологические закономерности, действующие при образовании различных глагольных основ, а также и при образовании производных слов [Откупщиков: 55], во многом отходит от использования термина «аналогия» и выявляет определенные тенденции в фонетике и морфологии языка, взаимодействующие друг с другом, не ограничиваясь сопоставлением двух явлений по принципу сходства и объяснением одного фонетико-морфологического образования через сходное с ним другое с помощью исключительно «аналогии».

Тип латинских глаголов с презентным назальным инфиксом имеет параллели в древнегреческом (*lambano*, *phungano* и др. глаголы V класса), санскрите (*yupaḥ-*, *bhunaḥ-* и др. глаголы VII класса), в славянских и балтийских языках (что, по правилу А. Мейе, позволяет причислить назальный презент к общеиндоевропейским реконструируемым явлениям).

Были проанализированы почти сорок известных латинских глаголов с презентным назальным инфиксом, их этимология, характер образования трех основ и, в случае наличия какой-либо вариативности, встречаемость различных вариантов основ в античных текстах.

Рассмотренные глаголы: *clango*, *clingo*, *emungo*, *frango*, *frendo*, *findo*, *finḡo*, *funḡo*, *fungor* (встречается только как депонентный), *iungo*, *linquo*, *ringor* (только как депонентный), *scindo*, *uinco*, *pingo*, *stringo*, *sclingo*, *pinso*, *lingo*, *ningit*, *-stinguo* (только в приставочной форме), *mingo* (вторичное образование по отношению к *meio*), *pungo*, *gumpo*, *gunco*, *tundo*, *tango*, *tongeo*, *pando*, *pango*, *plango*, *pollingo*, *lambo*, *prehendo*, *langueo*, *-cumbo* (только в приставочной форме), *nanciscor*, *fruniscor*.

Анализ выявил следующие фонетико-морфологические закономерности в образовании основ глаголов с презентным назальным инфиксом.

Для основы перфекта данных глаголов:

1. Если глагол образует сигматический перфект и удлиняет гласный в корне, *n* непременно восстанавливается в основе перфекта (*pingo* – *pinxi*).

2. Если глагол образует редуцирующий или простой перфект (без *s*, соотв. сильному аористу), инфигированное презентное *n* не восстанавливается (единственное исключение – *prehendo*, где *n* сохраняется для достижения узнаваемости основы).

Для основы супина и форм пассивных причастий прошедшего времени:

1. Если корень глагола, имеющего презентный назальный инфикс, заканчивается на звонкий согласный и, следовательно, при образовании пассивного причастия корневой гласный имеет тенденцию удлиняться (по закону Лахманна), инфигированный презентный *n* имеет тенденцию восстанавливаться для глаголов, имевших в корне *u*, восходящее к *u*-неслоговому, вокализовавшему при образовании индоевропейского назального презенса с нулевой ступенью корня (*iungo – iunctum, pungo – punctum*), и не восстанавливаться для глаголов с корневым *i* (*fingo – fictum, scindo – scissum, pingo – pictum*).

Для глаголов, имевших в корне гласный *a*, характерна вариативность. Стоит отметить тяготение этих глаголов к тому, чтобы не восстанавливать *n* в основе супина и причастия в случае, если для этих глаголов имеет место редуцирующий перфект (что свидетельствует о большей архаичности типа образования основы перфекта), либо восстанавливать, если имеет место перфект на *s* (также, в случае с глаголом *pancisco*, для которого не может быть формы активного перфекта, любопытен факт, что форма *nactus* у авторов считалась гораздо предпочтительнее *panctus*).

Глаголы с корневым гласным *e* или *o* представляют столь немногочисленную группу, что выявление закономерностей представляется не вполне возможным.

Если корень глагола оканчивался на глухой согласный, *n* в основах перфекта и супина обычно не восстанавливается (*uici – uictum, rupi – ruptum*, также закрепившееся в латинском языке *nactus*).

Если корень глагола оканчивался на *d* (*findo – fidi, fundo – fudi*), перфект на *s* обычно не образуется и *n* не восстанавливается ни в одной из основ.

Колебания глагола *tundo*, то восстанавливающего *n*, то не восстанавливающего, связаны, по-видимому, именно с конфликтом двух противоположно действующих тенденций: глагол оканчивается на звонкий *d*, но при этом – имеет в корне *u*.

Таким образом, характер восстановления *n* при образовании основ перфекта и супина зависел от фонетического окружения инфикса: во-первых, от тембра гласного корня, во-вторых, от глухости / звонкости *i*, возможно, от места образования согласного, закрывающего корень (здесь интересно и то, что *n* неодинаково артикулируется перед заднеязычными и переднеязычными, а перед губными ассимилируется в *m*).

Литература

Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. М., 2005.

Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.

Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 2004.

Meiser G. *Veni, Vidi, Vici: die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems*. München, 2003.

Календарь *Feriale Duranum*: проблемы интерпретации

Павлова Ольга Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Рассматриваемый календарь, *Feriale Duranum*, был найден вместе с другими документами в храме Артемиды (поселение Дура-Эвропос, территория современной Сирии) во время раскопок 1931–1932 гг. Папирусный свиток содержит 4 колонки текста, из которых сохранились неполные три. Каждая имеет четкую структуру и содержит дату, причину, по которой в этот день совершается моление или жертвоприношение, и указания, что именно надо совершить.

Стоит отметить, что календарь в нескольких местах был подклеен кусочками другого папируса, из этого можно заключить, что *Feriale Duranum* использовался регулярно, возможно, в течение нескольких лет. Календарь был составлен, скорее всего, в 226 г., на следующий год после смерти Юлии Мезы (при жизни она не могла бы почитаться как *diva*). Капитальное рустичное письмо указывает на официальный характер

документа. Подобного рода календари могли составляться в административном центре (вряд ли в Риме), переписываться и рассылаться по окраинам.

Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть текст *Feriale Duranum*, который считается единственным сохранившимся военным римским календарем, проанализировать особенности его содержания и, если это представится возможным, определить, действительно ли он предназначался для использования исключительно XX Пальмирской когортой.

В пользу данной точки зрения приводится несколько аргументов: папирус найден в военном архиве, основную часть календаря составляют торжества, которые связаны с императорским культом, что является признаком именно военного календаря; данный календарь был необходим как инструмент религиозной унификации воинов. *Rosaliae*, *Quinquatrus*, *Circenses Martiales*, празднование 3 дня до январских нон в связи с тем, что *solvantur ac nuncupentur vota* (как было восстановлено по смыслу издателями папируса), а также выдача жалования (1.7–9) являются исключительно военными торжествами.

Итак, рассмотрим последовательно эти аргументы. Считается, что архив, найденный в небольшом помещении W13, был военным архивом XX Пальмирской когорты, однако некоторые документы данного архива никак нельзя охарактеризовать как относящиеся к военной жизни и военному делу, например, фрагмент № 22 [Fink: 118]. Очевидно, что в календаре преобладают празднования, посвященные обоженным императорам и членам императорской семьи. Известно, что во время правления Адриана возобновилась практика обожествления, и данный календарь является убедительной тому иллюстрацией. Однако культ императора и «божественных» членов императорской фамилии отправлялся не только войском, но и представителями всех других слоев общества, что придавало ему общегосударственное значение. Скорее всего, к III в. по РХ государственные праздники уже потеряли свою религиозную окраску и стали чем-то вроде выходных дней, о чем еще упоминал Цицерон (*Cic. De legibus*, II, 29).

Rosaliae были связаны с культом мертвых. Вероятно, в этот день собирались вместе члены различных коллегий, чтобы почтить память умерших и принять участие в общем пире. Во времена поздней Империи это торжество окончательно потеряло религиозный оттенок. Праздник *Rosaliae* или *Rosalia* часто ассоциировался с праздником *Parentalia* или с *dies natalis*. Конечно, XX Пальмирская когорта тоже представляла собой некое профессиональное объединение и, безусловно, участвовала в празднике. Можно предположить, что во время всеобщего торжества украшенные *signa*, то есть штандарты, вносились в святилище.

Известно, что 19 марта салии исполняли ритуальные пляски, посвященные Марсу [Latte: 115]. Однако в более позднее время на первый план выдвигается празднование, посвященное Минерве, которая была скорее покровительницей всевозможных мирных ремесел, врачевания (*Minerva Medica*), обучения детей. В то же время нельзя считать, что данное смещение было механическим и не предполагало никакой связи между шествием салиев и праздником Минервы. Особого внимания заслуживают изображения на этрусских зеркалах, которые представляют Минерву как мать или дочь Марса, а также свидетельства Овидия (*Ovid. Fasti* 3, 811–812, 814, 835–838). Возможно, в этот день организовывалось шествие различных коллегий. Это мнение основывается на сходстве с *Quinquatrus minusculae* и на толковании одной из помпейских фресок. Вероятно, в этот день отдавалась плата за обучение за весь прошедший год, а клиентам посылались корзина с провизией и деньгами. В эти дни также объявлялись каникулы, правда, совсем короткие, о чем мы узнаем из послания Горация (*Hor. Epist.* 2.10.197–198). Итак, можно с уверенностью сказать, что Квинкватры также не относились к исключительно военным праздникам.

Что касается *Circenses Martiales*, они действительно издревле неразрывно связывались с военным делом, а именно, с началом и окончанием военных кампаний. С другой стороны, они постепенно превратились в обычный государственный праздник

(*Suet. Claud.4*). Что касается торжеств, приходящихся на 3 и 7 января, кажется преждевременным причислять их к исключительно военным праздникам до тех пор, пока не будет найден хотя бы еще один экземпляр подобного календаря, и реконструкция не будет подкреплена новыми сведениями.

Итак, проанализировав текст документа, можно заключить, что подавляющее большинство праздников не имеют непосредственного отношения к военному делу и вполне могут считаться общегосударственными праздниками. Скорее всего, перед нами одна из копий государственного календаря, который составлялся для провинций и регулярно переиздавался в соответствии с изменением государственной обстановки.

Литература

Fink O.R., Welles C. B. The Excavations at Dura-Europos. Final Report V. Part I: The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.

Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1992.

Лексика звуковой реальности в поэме Лукреция «De rerum natura»

Тимофеев Иван Сергеевич

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Исследование посвящено рассмотрению лексического пласта, отражающего звуковую реальность в поэме Лукреция «De rerum natura», то есть лексемам, несущим в себе значение «отсутствия / наличия» звука и указывающим на его характер и природу происхождения. Материал для анализа данного пласта представлен в поэме «De rerum natura» в необходимом количестве и довольно разнообразен, что позволило сделать его изучение более многосторонним и многогранным, а выводы более глубокими и продуманными. Целями данной работы является: во-первых, определение стилистической и художественной функции рассматриваемой лексики, во-вторых, вычленение доминирующего элемента, производящего звук (природа, человек, музыкальный инструмент). В-третьих, важным моментом представляется выделение ассоциативного ряда и возможных коннотаций отдельных лексем при наличии таковых. В-четвертых, поиск подражаний и параллельных мест с поэмой Энния «*Annales*», оказавшей влияние на творчество Лукреция.

Исследование состоит из трех частей: рассмотрение лексем со значением «отсутствия» звука (напр. *silentium, sileo, mutus, tacitus*), разбор лексем и конструкций со значением «наличия» звука (напр. *clamor, vox, cano, ingemo*), обзор и анализ отдельных стихов поэмы, которые представляются яркими приемами аллитерации.

В результате систематизации и изучения материала выявлены некоторые закономерности. Среди лексики со значением «отсутствия» звука доминирующее положение занимают прилагательные, выполняющие функцию пояснения при таком характерном своей элементарностью признаке как «отсутствие» звука. Для лексем со значением «наличия» звука рациональным представляется выделение семантических полей «шум / звук» (напр. *sonitus, strepitus, murmur* и т.д.), «слово / голос» (напр. *vox, loquela, dictum* и т.д.), «произведение человека» (напр. *cantus, clamor, carmen, risus* и т.д.). Обнаруживается общая тенденция к употреблению отглагольных существительных вместо соответствующих глаголов, также характерен уклон в сторону эпитетов гомеровского типа, где второй компонент имеет значение «наличия» звука (напр. *suavidicus, gaucisonus* и т.д.). Языку Лукреция часто свойственен аналитизм – употребление описательных конструкций вместо соответствующей по смыслу лексемы (напр. *fundere querelas* вместо *queror* и т.д.).

Важным приемом в технике Лукреция оказывается аллитерация как на уровне конструкций из нескольких лексем, так и целых стихов, которая служит поэту для передачи звуковых явлений с помощью фонетики. Поэт также не пренебрегает использованием тропов. Не безынтересно с точки зрения задач данного исследования

обнаруженное специфическое применение метафор (напр. *liquidum carmen, fundere musam* и т.д.). Для Лукреция характерно составление метафор из исследуемых лексем, воссоздающих не только мощные образы, но еще в большей степени звуковую картину произведения.

Валерий Флакк и муза Лукана

Шумилин Михаил Владимирович

Аспирант Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Val. Fl. 3.14 – 8:

tu mihi nunc causas infandaque proelia, Clio,
pande virum! tibi enim superum data, virgo, facultas
nosse animos rerumque vias. cur talia passus
arma, quid hospitiis iunctas concurrere dextras
Iuppiter? unde tubae +nocturnaе movit Erinys+?

«Дальше ты, Клио, изложи мне причины и нечестивые сражения мужей (т. е. причины нечестивых сражений: столкновения аргонатов с подданными Кизика. – *М.Ш.*)! Тебе ведь, дева, дана способность знать замыслы небожителей и пути событий. Почему Юпитер потерпел такие битвы, отчего он потерпел, чтобы сошлись в бою десницы, соединенные узами гостеприимства? Откуда трубы и +эриния устроила ночное+?»

[Shackleton Bailey: 203] отметил, что *nocturna* вряд ли может быть субстантивированным объектом при *movit*, и предложил конъектуру *tugit*: «Откуда трубы и гудит ночная эриния?». Но для применения этого глагола к эринии есть только поздние параллели (Claud. Ruf. 1.65).

Можно восстановить текст в виде *unde tubae nocturnaе quae, mone, Erinys?* «Скажи, откуда трубы и что за ночная эриния?» Гаплография в комбинации *-que qu(a)e* встречается довольно часто (напр., Quint. Inst. 11.3.153), даже в стихах, где это влияет на метрику (напр., Luc. 1.397). Переход *moneo* / *moveo* в минускульных рукописях происходит практически везде, где эти слова встречаются. Объяснить, как конкретно изменялось окончание, сложнее, но текст Валерия Флакка часто испорчен довольно хитрым образом. В качестве параллели для употребления *mone* в поэтической инвокации можно указать Val. Fl. 1.5.

Настоящий пассаж относится к любопытной группе контекстов Флавиевского эпоса, где Клио упоминается подчеркнута в связи с нарративом о богах. Они интересны тем, что, с одной стороны, в эпоху Флавиев, в отличие от августовского времени, за Клио уже, по-видимому, закрепились функция написания истории (в Геркулануме было найдено изображение Клио со свитком, на котором написано ΚΛΕΙΩ ΙΣΤΟΡΙΑΝ «Клио историю» [Harris: 54]); с другой стороны, к концу I в. н.э. как раз относятся теоретические дискуссии, противопоставляющие деятельность поэта и историка, в частности споры об утверждении, что Лукан не поэт, а историк, потому что не использует божественный аппарат [Feeney: 269 - 301]. Если в более древних поэтических текстах (Pind. Nem. 3.83, Hor. Carm. 1.12.2) апелляции к Клио просто обыгрывали этимологию ее имени (от κλέϊω «славлю») [Nisbet - Hubbard: 146], то в конце I в. они должны выглядеть довольно странно: с одной стороны, автор как будто декларирует, что пишет историю, с другой стороны, тут же указывает, что божественный аппарат, отличающий поэзию от истории, им используется. Второй такой случай – это «Фиваида» Стация. В прологе (1.41) Клио выступает в своей «этимологической» функции прославления героев, но в 10.628 - 31 нарратор говорит:

nunc, age, quis stimulos et pulchrae gaudia mortis
addiderit iuveni – neque enim haec absentibus umquam
mens homini transmissa deis –, memor incipe Clio,
saecula te quoniam penes et digesta vetustas.

«Теперь же, давай, начни, памятью Клио, поскольку в твоей власти века и разложенная по полочкам древность: кто пришпорил юношу (Менекея. – М.Ш.) и заставил его чувствовать радость от прекрасной смерти (ведь такое настроение никогда не проникало в людей без божественного участия)?»

Как кажется, имеет смысл посмотреть на это противоречие в свете того, что споры о границах поэзии и истории происходили вокруг фигуры Лукана. Хотя Стаций возвращается к более традиционному божественному аппарату, в *Silv.* 2.7 он славит Лукана как чуть не первого из латинских поэтов. При этом хвалу ему произносит как раз муза Каллиопа, хотя в начале к музам обращена просьба благосклонно молчать (2.7.19 - 20). Получается, Стаций как будто утверждает, что связь поэзии Лукана с музами, к которым Лукан вообще не обращается, на самом деле есть. Может быть, и рассматриваемые пассажи из эпоса нужно воспринимать в таком ключе: я пишу историю (и признаю, что пишу в одном жанре с Луканом), но это не значит, что я отвергаю божественный аппарат, что я не поэт. История и поэзия на самом деле совместимы. Детали мысли не очень ясны. Может быть, имеется в виду, что боги у Лукана на самом деле не совсем отсутствуют. Во всяком случае, от автора *Silv.* 2.7 логичнее ожидать оправдания Лукана, чем критики.

Увидеть в пассаже Валерия Флакка отсылку к Лукану также будет разумно. Ослепленное уничтожение своих в битве аргонавтов с подданными Кизика явно параллельно братоубийственной гражданской войне, описываемой Луканом. Впервые увидев аргонавтов, Кизик называет их *Emathiae manus* «Эмафийским отрядом» (*Val. Fl.* 2.640) – буквально это значит только то, что аргонавты из Фессалии, но больше этот эпитет Валерием не употребляется, а в таком контексте получается отсылка к первой строке поэмы Лукана, где Эмафией названа Фарсалия. Т. е. Кизик несознательно предрекает, что к нему прибыли как будто Фарсальские братоубийственные полки. В *Val. Fl.* 3.14 *infanda... proelia*, возможно, должны отсылать к *Luc.* 1.21 *bellum nefandum*, а само обращение к Клио формулировкой очень напоминает вопросы провидящей будущие битвы матроны к Фебу в конце I книги Лукана («Что же это за ужас происходит?»). Вопрос *quae, mone, Erinys*, в частности, очень напоминает *Luc.* 1.681 *quis furor hic, o Phoebe, doce* «Скажи, Феб, что это за безумие?» Можно считать реконструированный нами текст как будто «переводом» Лукановской фразы: греческое слово *ερινύς* можно считать переводом для *furor*. Получается двусмысленное употребление слова то ли как персонификации, то ли просто в значении «раздор», причем единственный чистый прецедент второго узуса – *Luc.* 4.187.

Литература

Feeney D. C. The Gods in Epic. Oxford, 1991.

Harris J. Pompeii Awakened. London; New York, 2007.

Nisbet R. G. M., Hubbard M. A Commentary on Horace Odes, Book I. Oxford, 1970.

Shackleton Bailey R. D. On Valerius Flaccus // HSCP. 1977. Vol. 81. P. 199–215.